



Шаталова О. В. Слово ясно как лексико-синтаксический маркер языковой личности героя романа Е. Замятина «Мы» / О. В. Шаталова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 121—138. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-121-138.

Shatalova, O. V. (2022). Word ‘Yasno’ [Clear] as a Lexical-Syntactic Marker of Linguistic Personality in Novel “We” by E. Zamyatin. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 121-138. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-121-138. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-121-138

**Слово ясно как  
лексико-синтаксический  
маркер языковой личности  
героя романа  
Е. Замятина «Мы»**

**Шаталова Ольга Васильевна**  
orcid.org/0000-0003-1656-0443  
доктор филологических наук,  
профессор, кафедра русского языка,  
методики его преподавания  
и документоведения  
shat\_o\_v@mail.ru

Елецкий государственный университет  
им. И. А. Бунина  
(Елец, Россия)

**Word ‘Yasno’ [Clear]  
as a Lexical-Syntactic Marker  
of Linguistic Personality  
in Novel “We”  
by E. Zamyatin**

**Olga V. Shatalova**  
orcid.org/0000-0003-1656-0443  
Doctor of Philology, Professor,  
Department of the Russian Language,  
Methods of its Teaching  
and Record Keeping  
shat\_o\_v@mail.ru

Bunin Yelets State University  
(Yelets, Russia)

© Шаталова О. В., 2022

## ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

**Аннотация:**

Рассматривается вопрос о характеристике языковой личности персонажа художественного произведения посредством анализа лексико-синтаксических маркеров. Делается обзор основных тенденций в развитии теории языковой личности, обуславливающих объективность выделения лексико-синтаксического маркера как единицы, интегрирующей в себе языковые единицы различных уровней. Представлены результаты анализа функционирования слова *ясно*, маркирующего языковую личность главного героя романа Е. Замятина «Мы». Определен функционально-прагматический потенциал маркера в объективации интеллектуальных, эмоциональных и морально-нравственных интенций персонажа Д-503 в ретроспективе всего произведения. Доказывается наличие контекстуальных изменений семантики, морфологической квалификации, синтаксической и пунктуационной оформленности лексико-синтаксического маркера *ясно*. Усматривается зависимость между варьированием лексического окружения этого слова и эмоционально-психическим состоянием персонажа. Новизна исследования видится в том, что выявляется семантическая и грамматическая трансформация лексико-синтаксического маркера языковой личности персонажа, свидетельствующая о модификации личности в рамках сюжета.

**Ключевые слова:**

языковая личность; персонаж; лексико-синтаксический маркер; категория состояния; Замятин.

## ORIGINAL ARTICLES

**Abstract:**

The question of the linguistic personality description of the character of a work of art through the analysis of lexical and syntactic markers is considered. A review of the main trends in the development of the theory of linguistic personality is made, which determine the objectivity of identifying a lexical-syntactic marker as a unit that integrates linguistic units of various levels. The analysis results of the functioning of the word 'yasno' [clear], which marks the linguistic personality of the protagonist of the novel "We" by E. Zamiatin, are presented. The functional and pragmatic potential of the marker in the objectification of the intellectual, emotional and moral intentions of the D-503 character in the retrospective of the entire work is determined. The presence of contextual changes in semantics, morphological qualification, syntactic and punctuation well-formedness of the lexico-syntactic marker 'yasno' [clear] is proved. There is a relationship between the variation of the lexical environment of this word and the emotional and mental state of the character. The novelty of the research is seen in the fact that the semantic and grammatical transformation of the lexical-syntactic marker of the character's linguistic personality is revealed, indicating a modification of the personality within the framework of the plot.

**Key words:**

linguistic personality; character; lexical-syntactic marker; state category; Zamiatin.

## Слово ясно как лексико-синтаксический маркер языковой личности героя романа Е. Замятина «Мы»

© Шаталова О. В., 2022

### 1. Введение = Introduction

Междисциплинарная интегрированность современного научного знания, компилятивность социокультурных методологических подходов в оценке тех или иных явлений действительности нивелируют зачастую возможности репрезентации личности. Однако лингвистика, будучи одной из самых гуманистически ориентированных дисциплин, обращаясь к языку как уникальному инструменту познания мира, формирует спектр приемов оценивания тех или иных характеристик личности.

Среди множества подходов к исследованию и характеристике языковой личности персонажа, что убедительно и системно объективировано в современной научной парадигме [Геймбух, 1999; Караулов, 2003; Иванцова, 2010; Седов, 1999; Шурупова, 2020 и др.], можно обозначить изучение маркеров языковой личности персонажа, к которым относят отдельные слова в их семантической и синтаксической реализации, поскольку «происходит сближение учения о лексической семантике и семантического синтаксиса» [Современный русский язык, 1997, с. 765], сближение синтаксиса с семантикой активно позиционируется как фактор развития современной компьютерной лингвистики [Mogenzen, 2007], нацеленной на исследование говорящей личности. Следовательно, закономерно, что лексико-синтаксический маркер — это «наиболее частотное и концептуально значимое слово, характеризующее речевой “облик” персонажа с учетом синтаксических условий его употребления» [Сигал, 2021, с. 131]. По мнению В. А. Масловой, в лексиконе репрезентируются такие параметры языковой личности, как социальный статус, уровень образования, тип характера, пол, возраст, национальная принадлежность и др. [Маслова, 2001, с. 119]. Принимая за аксиому тезис Ю. Н. Караулова о том, что в речевых актах персонажа, в высказываниях «опредмечивается» духовный облик личности, мир ее ценностей, идеалов, устремлений и т. д. [Караулов, 2003, с. 70], можно предположить, что лексико-синтаксические маркеры становятся специфическими языковыми образами, отражающими в своей семантико-прагматической цельности личность персонажа. Выражаясь метафорически, лексико-синтаксический маркер если не формирует полный портрет персонажа, то создает силуэт, который, будучи совмещен-

ным с другими «силуэтами» при соответствующем «освещении» (анализе грамматико-коммуникативного контекста), позволит увидеть личность персонажа в его глубине и многоплановости.

## 2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Широко распространен в современной лингвистической парадигме подход к описанию языковой личности через обозначение ключевых концептов. Бесспорно, что концепт как ментальная единица [Кампаделли, 2020] объективирует когнитивный уровень в структуре языковой личности. Однако принятая в когнитивистике система представления концепта через выявление языковых единиц, формирующих определенный тематический формат, но без анализа семантики и прагматики данных единиц [Дубова и др., 2020], на наш взгляд, не позволяет достаточно четко представить именно языковой образ анализируемой личности. Подобный подход интегрирует знания лингвистики, литературоведения, философии, культурологии, что отражается в том числе в применяемой терминологии («определяющей *характеристикой* языковой личности героя ... *становится идея* двоемирия» [Дубова и др., 2020, с. 429]), и, с одной стороны, расширяет возможности характеристики личности, с другой, размывает границы методологического описания научного объекта и требует углубления анализа природы определенных репрезентантов общезыкового концепта в отражении в индивидуальной когнитивной сфере (картине мира) говорящей личности, тогда как характеристика языковой личности в опоре на более мелкую формально единицу — лексико-синтаксический маркер — позволяет более объективно представить вербально-семантическую организацию языковой личности и стать вспомогательным компонентом описания ее когнитивного уровня.

Лексико-синтаксический маркер по своей природе является единицей, характеризующейся с канонических позиций уровневой структуры языка. Сохраняя в себе в полном объеме исходную семантику, будучи употребленной в рамках определенной синтаксической конструкции в конкретном речевом акте, маркер становится репрезентантом определенных интеллектуально-психических свойств личности, формирует каркас языковой личности в ее представленности на вербально-семантическом уровне. Четкая квалификация лексико-синтаксического маркера позволяет при описании его как компонента языковой личности использовать канонические методы: структурно-семантический и компонентный анализ слова. Подобный подход оказывается достаточно распространенным в современной лингвистической науке [Сигал, 2021; Ивыгина и др., 2017; Sun Xiaoli, 2021 и др.].

В частности, выявление языковых маркеров становится основным приемом представления «дискурс-портрета персонажа художественного про-

изведения», соотношенного с особенностями его личности [Клокова, 2020, с. 86], когда все характеристики персонажа «воплощаются в речевом поведении через дискурсивные маркеры» [Там же, с. 87]. В данном случае реализуется также возможность исследования посредством определения речевых маркеров личностей, принадлежащих различным языковым культурам, формирующихся и получающих бытование в рамках разных дискурсивных моделей (аналогичный подход в [Ивыгина и др., 2017; Трощинская-Степушина, 2021]). Часть современных исследователей оперируют термином *речевой портрет* при анализе и характеристике персонажа художественного произведения, опираясь на лексические [Герасименко, 2018; Алешина, 2019; Флигинских, 2020] или синтаксические приоритеты. Анализ частотных лексем в речи персонажа позволяет заметить, как некоторые слова, «обрастая в контексте смысловыми нюансами, передают самые тонкие оттенки душевного состояния героя» [Алешина, 2019, с. 119]. Анализ синтаксических приоритетов строится либо на выявлении коммуникативно-прагматической природы синтаксических единиц, проявляющейся в конкретном речевом образе [Колокольцева, 2015], либо на формально-статистических показателях частотности употребления конструкций определенных типов [Губарь 2015]. На наш взгляд, именно совмещение анализа семантической природы слов / выражений, которые часто использует говорящий, и их синтаксической реализации в речи (описание лексико-синтаксического маркера / маркеров) позволяет наиболее полно представить образ героя, сконструировать модель его языковой личности, позволяя нам апеллировать к понятию лексико-синтаксического маркера, что в современных исследованиях также может быть соотносено с исследованием языковой личности через выявление «лексико-грамматических приоритетов» [Герасименко, 2018]. Однако термин *лексико-синтаксический маркер* представляется нам более соответствующим современному научному пространству, интегрирующему не только междисциплинарные, но и международные аспекты исследования языковой личности [Michailinienė 2007; Sun Xiaoli, 2021 и др.].

Материалом для проведения исследования стал роман Е. Замятина «Мы», главный герой которого — Д-503 — в большинство рефлексивных монологов включает слово *ясно* (безлично-предикативный номинатив) или однокоренные слова с иной грамматической квалификацией, что становится средством лексико-синтаксического маркирования его личностной трансформации на протяжении сюжета романа.

Цель статьи — определить функционально-прагматический потенциал маркера языковой личности в объективации интеллектуальных, эмоциональных и морально-нравственных интенций персонажа в ретроспективе всего произведения.

Актуальность статьи связана с доказательством того, что функционально-прагматический анализ лексико-синтаксического маркера языковой личности персонажа художественного произведения позволяет углубить представление о структуре и эмоционально-интеллектуальных характеристиках личности и расширить возможности исследования и моделирования языковой личности за счет расширения спектра привлекаемых единиц.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней обозначается возможность семантической и грамматической трансформации лексико-синтаксического маркера языковой личности персонажа в зависимости от условий его реализации в рамках сюжета.

### 3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

#### 3.1. Лексико-синтаксический маркер *ясно* в системе характерологических признаков языковой личности героя романа Е. Замятина «Мы»

Главный герой романа — Д-503 — в начале повествования является adeptом Единого Государства (по Замятину, читаем — тоталитаризма), искренне верящим, даже верующим в то, что «инстинкт несвободы издревле органически присущ человеку» [Замятин, 2010, с. 44], синонимизирующим «государство» и «гуманность» [Там же, с. 51]. Размышления математика, строителя «Интеграла» предельно рациональны, оформлены как логически правильно построенные высказывания: «...Вовсю во мне гудел логический маховик, и я по инерции заговорил о только что установленной мною формуле, куда входили и мы все ...» [Там же, с. 44]. Примечательно то, что свое внутреннее состояние Д-503 способен анализировать и описывать так же скрупулезно и научно выверенно, как механизмы, недаром он использует термины: *маховик* в словаре имеет помету «техническое» [СлРЯ, т. 2, с. 239], *инерция* — «физическое» [СлРЯ, т. 1, с. 667]. При этом к вопросам языкового оформления мыслительных процессов он подходит с тех же позиций рационального знания: его мышление настолько структурировано, что он осознает не только «что» говорит, но и «как» говорит: «Недаром же у меня, кажется, некоторое пристрастие к этому самому слову “ясно”» [Там же, с. 53]. Таким образом, лексико-синтаксический маркер *ясно* он, бескомпромиссный исследователь, сам объективирует для читателя романа (по сюжету — для потенциального читателя своего дневника).

Так, Д-503, оценивая ход истории, пытается рассуждать предельно логично и формулировать мысли однозначно: «Ведь *ясно*: вся человеческая история, сколько мы ее знаем, это история перехода от кочевых форм к все более оседлым» [Замятин, 2010, с. 49]. Для него не существует необъяснимых явлений в философии (хотя сам он отрицает данную форму

осмысления действительности): «*Ясно*: поводов для зависти нет уже никаких, знаменатель дроби счастья приведен к нулю — ... » [Там же, с. 58]; «Совершенно *ясно*, что этот контраст, эта непроходимая пропасть между сегодняшним и тогдашним...» [Там же, с. 45]. Утверждая данный подход к оценке действительности, Д-503 использует маркер *ясно* — «понятно, несомненно, безусловно» [СлРЯ, т. 4, с. 785]. При этом безлично-предикативный номинатив *ясно*, выступающий в оценочной препозиции по отношению к любой сфере жизни, используется героем безапелляционно. Учитывая семантику и грамматическую квалификацию *ясно* в приведенных высказываниях как категории состояния, то есть слова, выражающего «недейственное состояние, которое может мыслиться безлично... или приписываться тому или иному лицу как субъекту, испытывающему это состояние» [Виноградов, 1972, с. 321]), можно обозначить функциональное взаимодействие эмоционально-психологического состояния героя и прагматики лексико-синтаксического маркера *ясно*.

### 3.2. Микро-контекст безлично-предикативного слова *ясно* как фактор трансформации языковой личности Д-503

Принципиально значимым аспектом использования слова *ясно* в речи Д-503 является то, что в большинстве высказываний данное слово используется не изолированно, а в сочетании с дополнительными компонентами. Условно выделяя несколько этапов в развитии языковой личности Д-503 (табл. 1), можно заметить, что в начале сюжетного развития действия — I этап — семантика предикатива *ясно* подкрепляется разговорным наречием со значением меры и степени *совершенно* — «совсем, вовсе» [СлРЯ, т. 4, с. 174], усилительной частицей *ведь* [СлРЯ, т. 1, с. 144] и др. аналогичными единицами. Тем самым подчеркивается не только внутренняя убежденность говорящей личности в справедливости высказываемых постулатов, но и экспрессия, граничащая со снисходительной ироничностью по отношению к потенциальному адресату / коммуникативному партнеру, который мог бы думать иначе.

Появление в жизни Д-503 «внешнего раздражителя» — I-330 — обозначает границу II этапа развития личности героя, поскольку моментально разрушает внешне благопристойно-благополучную картину мира. Слова и поступки I-330 пробуждают иррациональное, темное начало в натуре героя, что сразу же отражается в его речевой саморепрезентации и характеристике мира: «Но ведь *ясно* же: там шпион — это белена, тут шпион — ландыш» [Замятин, 2010, с. 69]; «До сих пор мне все в жизни было *ясно*, ... А сегодня... Не понимаю» [Там же, с. 53].

Помимо усилительных частиц *ведь* и *же*, которые нужны Д-503 не только для усиления своего высказывания в восприятии адресата, но и

в некоторой степени для самоубеждения, в препозиции высказывания появляется союз *но*, наиболее близкое функциональное назначение которого в приведенном высказывании и ему подобных — противительно-присоединительное, когда *но* «употребляется в разговоре, в начале реплики, содержащей в себе возражение собеседнику, или в речи одного лица при возражении самому себе» [СлРЯ, т. 2, с. 503]. Учитывая фабульную ситуацию и форму передачи ситуации — Д-503 в дневниковой записи воспроизводит свой предельно эмоциональный диалог с О-90, можно утверждать, что в данном контексте наличие *но* — это совмещение функции возражения и собеседнику, и самому говорящему — с оттенком уступительности.

В плане развития личности это четкая фиксация момента, когда у Д-503 еще не появилось осознания крушения прежнего мировосприятия, но прежнее состояние, когда он чувствовал себя абсолютно уверенным в разумности и непоколебимости искусственного микрокосма Единого Государства, оказывается в прошлом: предикатив *ясно* приобретает, во-первых, более широкое контекстуальное окружение — обстоятельственный фразеологизм *до сих пор* — «до этого, до настоящего времени» [СлРЯ, т. 3, с. 300], то есть до момента речи, и вспомогательный глагол прошедшего времени *было*. Во-вторых, в попытках оформить вербально свое состояние Д-503 начинает испытывать сложности: предложение «А сегодня...» оформлено многоточием, что можно оценивать, с одной стороны, как фактор незаконченности мысли, однако, с другой стороны, это фигура умолчания, которая свидетельствует о том, что герой не только не может, но и не хочет проговорить то, что смутно уже предчувствует. Поэтому обрывает свое высказывание категоричным и честным: «Не понимаю». Как раз здесь — в пределах одного речевого построения — обозначается дилемма, впоследствии вырастающая в духовную трагедию героя: «ясно» — «не понимаю».

Возникающие сложности в восприятии ранее неизблемых констант бытия Д-503 воспринимает как нечто чужеродное, не может объяснить истоки и причины их появления, поэтому, хватаясь за бывшее *ясно*, как за спасительную соломинку, вынужден искать подтверждения правоты своих убеждений. Он, вопреки своему рационалистическому и в некоторой степени высокомерному отношению к неизвестному, но априори менее просвещенному и просветленному, собеседнику (адресату дневника), выстраивает некое подобие диалога, где лексико-синтаксический маркер *ясно* используется в условно вопросительной форме: «Но не *ясно* ли: блаженство и зависть — это числитель и знаменатель дроби, именуемой счастьем» [Замятин, 2010, с. 57]; «Разве не *ясно*, что личное сознание — это только болезнь?» [Там же, с. 138]. В то же время записки Д-503 — это прежде всего его рефлексия по поводу значимых нравственно-этических вопросов, то есть вопросительные



конструкции, содержащие предикатив *ясно*, по своей сути являются риторическими, свидетельствующими, по наблюдениям современных исследователей, прежде всего об эмоциональности формируемого текста, причем с негативной коннотацией [Чиршева, 2018; Чумакова и др., 2015]. Частица *разве* «употребляется в вопросительном предложении, выражающем сомнения в чем-либо, недоверие к чему-либо, удивление по поводу чего-либо» [СлРЯ, т. 3, с. 300]. Следовательно, в переходе лексико-синтаксического маркера *ясно* в формат риторического вопроса в сочетании с языковыми компонентами, выражающими недоверие, неуверенность, уступку, отражается изменение в психологическом состоянии героя, трансформация его взглядов.

В момент появления сомнения в нерушимости окружающей действительности и непогрешимости самого героя пробуждается новый Д-503, которого его друг, поэт R-13, назовет Адамом — по аналогии с библейским героем. «Перерождение» (или падение, если учитывать неомифологическую интерпретацию произведения [Евсеев, 2003; Кольцова, 1998 и др.]) главного героя со всей однозначностью отмечается лексическим маркером: у ведущего аккуратно и последовательно дневник героя «Запись 6-я» получает конспективный заголовок — СЛУЧАЙ. ПРОКЛЯТОЕ «ЯСНО». 24 ЧАСА. То, что составляло незыблемую константу, позволяющую Д-503 логично и бесспорно фиксировать окружающую действительность, получает предельно эмоциональную — отрицательную — оценку.

### 3.3. Пунктуационно-графические средства категоризации лексико-синтаксического маркера *ясно* в речи героя романа Е. Замятина «Мы»

III этап нравственно-этического развития образа персонажа романа-антиутопии связан с осознанием им нивелирования постулатов Единого Государства в спектре его приоритетов. Д-503 чувствует необратимость происходящего, однако это для него в определенной степени трагично, поскольку он оказывается в ситуации полного непонимания как своего положения, так и поступков тех, кто олицетворяет для него стихийный, чужой, но манящий мир. Герой не в состоянии вербализовать свое состояние, поэтому маркер *ясно* получает своеобразное пунктуационно-графическое обрамление.

При самоанализе Д-503 строит предложения, где *ясно* формирует незаконченное высказывание с многоточием: «*Ясно...* — начал я — тотчас же поймал себя на этом слове и украдкой заглянул на I: заметила или нет?» [Замятин, 2010, с. 61]; «*Ясно...* То есть я хотел... (это проклятое «ясно»!)» [Там же, с. 63]; «Все осталось по-прежнему, и в то же время *ясно...*» [Там же, с. 103]. Анализ контекстуального окружения каждого из приведенных примеров позволяет однозначно квалифицировать *ясно* именно как предикативную основу сложного предложения, за которым должна следовать зависимая предикативная часть, отсутствующая именно в силу того,

что у самого говорящего отсутствует представление о четких параметрах предполагаемых фактов. Многоточие используется для указания на невозможность продолжать речь, если можно так выразиться, для фиксации «нулевой семантики» высказывания.

Если же речь идет о других персонажах, то главный герой романа Е. Замятина, выступающий в роли автора записок, как бы не желает зафиксировать ту информацию, которая ему открылась, с одной стороны, испытывая боль и терзаясь осознанием определенных фактов, с другой — уже невольно защищая этот новый для него мир чувств и переживаний: «Я помню подумал: “Если от нефизических причин — может быть физическая боль, то *ясно*, что — ”» [Замятин, 2010, с. 149]; «Я вспомнил все, что было в этой комнате полчаса назад, и мне было *ясно*, что она сейчас — » [Там же, с. 167]. Здесь автор использует специфический знак долгого тире, который указывает на текст, «зачеркнутый, вымаранный» в записках Д-503, одновременно материализуя для читателя духовные страдания героя.

Таким образом, формально сохраняя позицию предикативного словосостояния, долженствующего указывать на высокий уровень рационально-материалистического развития мышления Д-503, лексико-синтаксический маркер *ясно* свидетельствует об утрате нравственно-этических координат, о появлении своеобразной «пустоты» там, где когда-то безапелляционно господствовал Благодетель, управляла Скрижаль и бытие несомненно-господя «Адама»-Д-503 было размеренным и ясным.

Оценочный номинатив *ясно* на этой стадии трансформации внутренней структуры героя впервые перемещается в скобки: «Идеал (это *ясно*) — там, где уже ничего не случается» [Замятин, 2010, с. 59]; « — Нет, нет, что вы, — поторопился я сказать (вблизи, в самом деле, *ясно*, что ничего похожего на жабры нет, и у меня о жабрах — это было совершенно неуместно)» [Там же, с. 132]. Д-503 высказывает постулаты, в которых он не сомневается, но против его воли, бесконтрольно, анализируемый маркер приобретает новое пунктуационное оформление. Как отмечалось нами ранее [Шаталова, 2016], скобки в дневниковых записях героя романа Е. Замятина выступают синтаксическим средством квалификации полярных позиций «свое» — «чужое»: в скобках оказывается в разных эпизодах то, что на момент описания Д-503 воспринимает как знак чужеродного мира. Заметим, что спектр выносимых в скобки реалий на протяжении романа меняется. Так и в данном эпизоде, защищая и даже прославляя принципы научно-технической организации жизни Единого Государства, Д-503, еще не осознанно, свою уверенность в правильности существующего порядка «ставит в скобки».

Существенным оказывается и позиция *ясно* в рамках высказывания: теряя свою позицию в начале высказывания, безлично-предикативный

номинатив *ясно* постепенно перемещается к концу высказывания. Д-503 словно вдогонку уже не столь надежным постулатам пытается закрепить их прагматическую направленность: «Нет, ему (S-4711. — О. III.) об этом нельзя, нелепо: это *ясно*» [Замятин, 2010, с. 67].

#### 3.4. Грамматическая трансформация слова *ясно* как средство активации личностного перерождения героя

В какой-то момент (этап IV) Д-503 перестает сопротивляться случившемуся с ним, признает, что ясность его бытия / бытования разрушена, что фиксируется посредством компонента *не* (префикса или частицы при лексеме с корнем *-ясн-*) — «полного отрицания того, что обозначает слово или словосочетание, перед которым оно стоит» [СлРЯ, т. 2, с. 419]: «Мне было *неясно*, в чем дело, но тут было что-то» [Замятин, 2010, с. 73], — подумает Д-503 о недавно близком и, как казалось, понятном друге R-13, и далее: «В нем есть тоже что-то, *не* совсем мне *ясное*» [Там же, с. 74]. Действительно, некоторое время назад (по сюжету) невозможно было представить, чтобы главный строитель «Интеграла», верящий только в рациональное устройство мира, мог «не» понимать чего-либо, «не» иметь объяснений любых процессов. Теперь же он готов отрицать незыблемость и чистоту научных и социально-нравственных аксиом Единого Государства, даже в тех случаях, когда «Все это слишком *ясно* ... » [Там же, с. 101]. Степенное наречие *слишком* — «сверх меры, чересчур» [СлРЯ, т. 4, с. 138] — при слове *ясно* в данном контексте выступает как антоним наречия *совершенно*: формируется оппозиция «совершенно ясно (I этап) — слишком ясно (IV этап)», подчеркивающая радикальные изменения в психологии мышления Д-503.

На этапе полного признания отказа от былых убеждений, что выражается и в поступках героя, таких как осознанное подчинение всем распоряжениям I-330, нападение на R-13 во время церемонии и т. п., происходит и ментальное «переключение кодов»: от бытийного состояния уверенности в правильности организации действительности (категория состояния *ясно*) к попыткам осмысления каждого отдельного действия, совершаемого героем, то есть к процессуальности, от статичности к подвижности. При этом лексико-синтаксический маркер *ясно* сохраняет свои приоритетные позиции в речи Д-503, но в принципиально новой категориальной сущности: *ясно* трансформируется — переходит из формы грамматического предикатива, категории состояния в наречие, указывает на признак действия: «Первый раз в жизни — *вижу* себя *ясно*, отчетливо, сознательно» [Замятин, 2010, с. 86]; «Я совершенно *ясно* слышал его мысли: “Привет! — ты — приятель...”» [Там же, с. 89]; «Вот — *ясно вижу* — еще покачивается старинное кольцо на ключе в двери шкафа, а I — нет» [Там же, с. 97]; «И справа — *ясно чувствую* на себе глаза, отчетливо вижу морщины на

лбу — ...» [Там же, с. 98]; «И я *вижу ясно*, что это только отрывка нелепого предрассудка древних — их идеи о “праве”» [Там же, с. 127]; «*Помню* очень *ясно*: я засмеялся — поднял глаза» [Там же, с. 205]. Естественно, что значительную роль в возможности такой функциональной модификации слова *ясно* играет его гибридная [Виноградов, 1972, с. 295], или полифункциональная [Современный русский язык, 1997, с. 591] природа, но также семантика слова способствует объективации личностных интенций героя романа. Не менее показательно то, что во всех случаях наречие *ясно* сочетается с глаголами в форме 1 лица, единственного числа. Так на уровне грамматики подчеркивается перерождение героя, его духовный переход из состояния «мы» в образ «я». По сюжету герой испытывает одиночество, отторженность от сообщества Единого Государства и одновременно непреодолимое желание ощутить свою уникальность, узнать свою мать, получить «в индивидуальное пользование» любимую женщину.

Обратная трансформация происходит после формально-физиологического преобразования Д-503 — по сюжету после операции по удалению фантазии: он избавлен от каких-либо чувств, эмоций, переживаний, к нему возвращается спокойствие духа и уверенность в разумности и естественности миропорядка Единого Государства, фиксируемая в том числе вербально самим героем романа, который, как уже отмечалось, склонен к самонаблюдению и самоанализу во всех проявлениях. Последняя запись имеет заголовок: «Факты. Колокол. Я уверен» [Замятин, 2010, с. 217]. И хотя данная запись посвящена описанию происходящего с Д-503, единственный случай использования лексико-синтаксического маркера в первом абзаце записи: «День. Ясно. Барометр 760» [Там же, с. 217]. В данном случае слово *ясно*, так же как и в начале повествования, выступает в роли предикативной основы самостоятельного высказывания, однако здесь оно носит изолированный характер (не в составе сложноподчиненного предложения) и в значении «о безоблачной погоде» [Замятин, 2010, с. 785] указывает на состояние природы. Допустимо заключение, что герой романа полностью утратил представление о себе как о мыслящем субъекте. Если в начале романа он делал акцент на своем единстве с другими членами Государства («ясно нам», «мы»), то теперь его личное состояние характеризуется факторами окружающей среды, то есть произошло полное нивелирование личности, что зафиксировано использованием лексико-синтаксического маркера *ясно*.

#### 4. Заключение = Conclusions

Таким образом, анализ функционально-прагматических особенностей слова *ясно* как лексико-синтаксического маркера языковой личности героя романа Е. Замятина «Мы» позволяет сделать следующие выводы:

Языковая личность персонажа художественного произведения формируется посредством использования приоритетных / частотных лексических и грамматических языковых единиц. Лексико-синтаксический маркер, как «межуровневый маркер» [Сигал, 2021], не только объективирует индивидуальные характеристики персонажа, но и позволяет проследить изменения эмоционально-психического состояния личности.

Языковая личность Д-503, героя романа Е. Замятина «Мы», маркируется использованием слова *ясно* в разнообразии его семантической и синтаксической репрезентации на протяжении всего повествования.

Личность / индивидуум Д-503 переживает несколько этапов (V) эмоционально-психического и интеллектуального развития, что связано с внешними событиями и его внутренним переосмыслением действительности. Каждый этап характеризуется специфическим использованием слова *ясно* (табл. 1). Выявляются следующие контекстуально реализующиеся аспекты:

— семантические различия: (I—IV) *ясно* — «понятно, несомненно, безусловно», на этапе V *ясно* — «безоблачно»;

— лексическое контекстуальное окружение: (I) наречие со значением уверенности *совершенно*, (II) усилительные частицы *ли, ведь, же*, уступительно-противительный союз *но*, (III) отрицательный компонент *не*, (IV) наречие *слишком* со значением избыточности проявления чего-либо;

Таблица 1

Лексико-синтаксическая маркированность  
эмоционально-психологического состояния героя романа Е. Замятина «Мы»  
(ретроспектива развития личности Д-503)

| Этапы развития личности Д-503 | Эмоционально-психическое состояние Д-503            | Лексико-синтаксические маркеры                                                   |
|-------------------------------|-----------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------|
| I                             | уверенность, бескомпромиссность                     | <i>ясно; совершенно ясно</i>                                                     |
| II                            | неуверенность, сомнение                             | <i>до сих пор ...было... ясно; но не ясно ли (?); но ведь ясно же;</i>           |
| III                           | трагичность осознания утраты нравственных координат | <i>ясно...; ясно, что — —; (это ясно);</i>                                       |
| IV                            | признание потери нравственных координат             | <i>неясно; не совсем ясное; слишком ясно;</i><br><i>наречие ясно при глаголе</i> |
| V (I)                         | уверенность, отсутствие эмоций и оценочных реакций  | <i>ясно</i>                                                                      |

— морфологическая квалификация: категория состояния (I—V), наречие (IV);

— синтаксическая реализация: предикативная (главная) часть сложноподчиненного предложения (I—IV), обстоятельство (IV), простое предложение (V);

— пунктуационно-графическое варьирование (III).

Исследование лексико-синтаксических маркеров как специфической формы репрезентации языковой личности имеет широкие перспективы, так как одновременно позволяет расширить представления о ментально-когнитивных характеристиках личности — в соотношении с психолингвистикой, психологией — и формализовать изучение отдельных аспектов языковой личности с применением компьютерной лингвистики.

### Источники и принятые сокращения

1. *Замятин Е. И.* Мы : роман, повести, рассказы / Е. И. Замятин ; [вступ.ст. Н. Кольцовой] ; худож. С. Дергачев. — Москва : Детская литература, 2010. — 429 с. — ISBN 5-08-004044-0.
2. *СлРЯ — Словарь русского языка* : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1985—1988. — 696 с. + 736 с. + 752 с. + 800 с.

### Литература

1. *Алешина Л. В.* Мастерство И. С. Тургенева в создании речевого портрета лемма / Л. В. Алешина // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания в иностранной аудитории : материалы международной научно-методической конференции, посвященной 45-летию кафедры русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации, Орел, 13—14 апреля 2019 года. — Орел : Картуш-ПФ, 2019. — С. 119—123. — ISBN 978-5-9708-0738-5.
2. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1972. — 616 с.
3. *Винокур Т. Г.* К характеристике говорящего : интенция и реакция / Т. Г. Винокур // Язык и личность. — Москва : Наука, 1989. — С. 11—23.
4. *Геймбух Е. Ю.* Языковая личность и характер : Чацкий и Репетилов / Е. Ю. Геймбух // Русский язык в школе. — 1999. — № 1. — С. 51—61.
5. *Герасименко И. А.* Штрихи к речевому портрету Валентина Распутина : фонетический и лексико-грамматический аспекты / И. А. Герасименко // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей II Международного симпозиума : в 2-х томах : Ялта, 08—12 июня 2018 года / ответственный редактор Е. Я. Титаренко. — Ялта : Ариал, 2018. — С. 370—374. — ISBN 978-5-907162-62-4.
6. *Губарь И. А.* Фрагмент речевого портрета Б. Л. Пастернака (на материале общей характеристики синтаксического строя речи романа «Доктор Живаго») / И. А. Губарь // Язык и культура (Новосибирск). — 2015. — № 16. — С. 127—131.
7. *Дубова М. А.* Языковая личность героя в рассказе В. Брюсова «В башне» / М. А. Дубова, Н. А. Ларина // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 5 (84). — С. 429—431. — DOI: 10.24411/1991-5497-2020-01020.

8. *Евсеев В. Н.* Художественная проза Евгения Замятина : проблемы метода, жанровые процессы, стилевое своеобразие / В. Н. Евсеев. — Москва : Прометей, 2003. — 224 с. — ISBN 5-900142-36-1.
9. *Иванцова Е. В.* Лингвоперсонология : основы теории языковой личности / Е. В. Иванцова. — Томск : ТГУ, 2010. — 160 с. — ISBN 978-5-7511-1935-5.
10. *Ивыгина А. А.* Этнонимы «русский» и «немец» как маркеры самоидентификации личности : на материале автобиографического романа российского немца Якова Иккеса «На задворках распятой страны» / А. А. Ивыгина, Ю. Ю. Данилова // *Philologos*. — 2017. — № 34 (3). — С. 49—54.
11. *Кампаделли Р. А.* Концепт как основная составляющая информационно-когнитивной системы языковой личности / Р. А. Кампаделли // *Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 29—30 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : С. В. Воробьева (гл. ред.) [и др.]*. — Минск : БГУ, 2020. — С. 8—12. — ISBN 978-985-566-926-6.
12. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Едиториал УРСС, 2003. — 263 с.
13. *Клокова А. Г.* Дискурсивный портрет персонажа как совокупность взаимосвязанных характеристик его личности / А. Г. Клокова // *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология*. — 2020. — Т. 10. — № 1. — С. 86—91.
14. *Колокольцева Т. Н.* Речевой портрет персонажа / Т. Н. Колокольцева // *Филологические науки*. — 2015. — № 1. — С. 88—92.
15. *Кольцова Н. З.* «Мы» Евгения Замятина как неомифологический роман : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. З. Кольцова. — Москва, 1998. — 25 с.
16. *Маслова В. А.* Лингвокультурология / В. А. Маслова. — Москва : Академия, 2001. — 208 с. — ISBN 978-5-7695-6179-5.
17. *Седов К. Ф.* Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) / К. Ф. Седов // *Вопросы стилистики*. — 1999. — Выпуск 28. — С. 3—29.
18. *Сигал К. Я.* Об одном лексико-синтаксическом маркере языковой личности персонажа / К. Я. Сигал // *Научный диалог*. — 2021. — № 2. — С. 127—146. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-127-146.
19. *Современный русский язык* / под редакцией В. А. Белошапковой. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Азбуковник, 1997. — 928 с.
20. *Трощинская-Степушина Т. Е.* Специфика речевого портрета литературного героя / Т. Е. Трощинская-Степушина // *Текст. Язык. Человек : XI Международная научная конференция, Мозырь, 18—19 ноября 2021 года*. — Мозырь : Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина, 2021. — С. 104—109. — ISBN 978-985-477-777-1.
21. *Флигинских Ю. Ю.* Способы речевой портретизации персонажа (на примере образа Фагота-Коровьева в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») / Ю. Ю. Флигинских // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. — 2020. — Т. 11. — № 1. — С. 2.
22. *Чиршева Г. Н.* Выражение эмоций при помощи риторических вопросов / Г. Н. Чиршева, М. И. Рябева // *Вестник Череповецкого государственного университета*. — 2018. — № 5 (86). — С. 117—126. — DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-13.



23. Чумакова Т. В. Синтаксические средства выражения семантики эмоциональности в эпической поэзии А. С. Пушкина / Т. В. Чумакова, Д. Л. Кузьмина // Вестник Южно-Уральского профессионального института. — 2015. — № 2 (17). — С. 72—79.

24. Шаталова О. В. «В скобках сознания...»: некоторые аспекты грамматико-синтаксической характеристики языковой личности героя романа Е. Замятина «Мы» / О. В. Шаталова // V Селищевские чтения : международный сборник научных трудов, посвященный 130-летию со дня рождения Афанасия Матвеевича Селищева. — Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2016. — С. 413—417.

25. Шурупова О. С. «Беспечный, счастливый человек» (опыт создания речевого портрета Русанова из повести А. И. Солженицына «Раковый корпус») / О. С. Шурупова // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2020. — № 2 (67). — С. 147—156. — DOI: 10.37724/RSU.2020.67.2.015.

26. Mogenzen T. Basics of Compiler. DIKU / T. Mogenzen. — Copenhagen : University of Copenhagen, 2007. — 232 p. — ISBN 978-87-993154-0-6.

27. Sun Xiaoli. The ways of translating pragmatic marker eto samoe (based on the material of parallel Russian and Chinese literary texts) / Sun Xiaoli // Communication Studies. — 2021. — Vol. 8. — № 2. — Pp. 323—332. — DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(2).323-332.

### Material resources

SLR — *Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / USSR Academy of Sciences, In-rus. yaz. 3rd ed., stereotype.* (1985—1988). Moscow: Russian language. 696 p. + 736 p. + 752 p. + 800 p. (In Russ.).

Zamyatin, E. I. (2010). *We: novel, novellas, short stories*. Moscow: Children's Literature. 429 p. ISBN 5-08-004044-0. (In Russ.).

### References

Aleshina, L. V. (2019). I. S. Turgenev's mastery in creating a speech portrait of Lemma. In: *Actual problems of the Russian language and methods of teaching it in a foreign audience: materials of the international scientific and methodological conference dedicated to the 45th anniversary of the Department of Russian as a Foreign language and Intercultural Communication, Orel, April 13—14, 2019*. Eagle: Cartouche-PF. 119—123. ISBN 978-5-9708-0738-5. (In Russ.).

Beloshapkova, V. A. (1997). *Modern Russian*. Moscow: Azbukovnik. 928 p. (In Russ.).

Campadelli, R. A. (2020). Concept as the main component of the information and cognitive system of a linguistic personality. In: *Linguistic personality and effective communication in the modern multicultural world: materials of the VI International Scientific and Practical Conference, dedicated. To the 100th anniversary of the Belarusian State University, Minsk, October 29—30, 2020*. Minsk: BSU. 8—12. ISBN 978-985-566-926-6. (In Russ.).

Chirsheva, G. N., Ryabeva, M. I. (2018). Expression of emotions with the help of rhetorical questions. *Bulletin of Cherepovets State University*, 5 (86): 117—126. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-13. (In Russ.).

Chumakova, T. V., Kuzmina, D. L. (2015). Syntactic means of expressing the semantics of emotionality in the epic poetry of A. S. Pushkin. *Bulletin of the South Ural Professional Institute*, 2 (17): 72—79. (In Russ.).



- Dubova, M. A., Larina, N. A. (2020). The linguistic personality of the hero in V. Bryusov's story "In the Tower". *The world of science, culture, education*, 5 (84): 429—431. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-01020. (In Russ.).
- Evseev, V. N. (2003). *Yevgeny Zamyatin's artistic prose: problems of method, genre processes, stylistic originality*. Moscow: Prometheus. 224 p. ISBN 5-900142-36-1. (In Russ.).
- Fliginskikh, Yu. Yu. (2020). Ways of speech portrayal of a character (on the example of the image of the Bassoon-Koroviev in the novel by M. A. Bulgakov "The Master and Margarita"). *Mir nauki. Sociology, philology, cultural studies*, 11 (1): P. 2. (In Russ.).
- Geimbukh, E. Y. (1999). Linguistic personality and character: Chatsky and Repetilov. *Russian language at school*, 1: 51—61. (In Russ.).
- Gerasimenko, I. A. (2018). Strokes to the speech portrait of Valentin Rasputin: phonetic and lexical-grammatical aspects. In: *Russian language in the multicultural world: Collection of scientific articles of the II International Symposium. In 2 volumes, Yalta, June 08—12, 2018*. Yalta: Arial. 370—374. ISBN 978-5-907162-62-4. (In Russ.).
- Gubar, I. A. (2015). A fragment of the speech portrait of B. L. Pasternak (based on the material of the general characteristics of the syntactic structure of speech of the novel "Doctor Zhivago"). *Language and Culture (Novosibirsk)*, 16: 127—131. (In Russ.).
- Ivantsova, E. V. (2010). *Linguopersonology: fundamentals of the theory of linguistic personality*. Tomsk: TSU. 160 p. ISBN 978-5-7511-1935-5. (In Russ.).
- Ivygina, A. A., Danilova, Yu. Yu. (2017). Ethnonyms "Russian" and "German" as markers of self-identification of personality: based on the autobiographical novel by the Russian German Yakov Ikkes "On the outskirts of the Crucified country". *Philologos*, 34 (3): 49—54. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2003). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Editorial URSS. 263 p. (In Russ.).
- Klokoza, A. G. (2020). Discursive portrait of a character as a set of interrelated characteristics of his personality. *Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*, 10 (1): 86—91. (In Russ.).
- Kolokoltseva, T. N. (2015). Speech portrait of a character. *Philological sciences*, 1: 88—92. (In Russ.).
- Koltsova, N. Z. (1998). "We" by Evgeny Zamyatin as a neo-mythological novel. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 25 p. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow: Academy. 208 p. ISBN 978-5-7695-6179-5. (In Russ.).
- Mogenzen, T. (2007). *Basics of Compiler. DIKU*. Copenhagen: University of Copenhagen. 232 p. ISBN 978-87-993154-0-6.
- Seagal, K. Y. (2021). 'Fact' as a Lexico-Syntactic Marker of the Character's Linguistic Personality. *Nauchnyi dialog*, 2: 127—146. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-127-146. (In Russ.).
- Sedov, K. F. (1999). Portraits of linguistic personalities in the aspect of their formation (principles of classification and conditions of formation). *Questions of stylistics*, 28: 3—29. (In Russ.).
- Shatalova, O. V. (2016). "In parentheses of consciousness ...": some aspects of the grammatical and syntactic characteristics of the linguistic personality of the hero of E. Zamyatin's novel "WE". In: *V Selishchev readings: an international collection of scientific papers dedicated to the 130th anniversary of the birth of Afanasy Matveevich Selishchev*. Yelets: I. A. Bunin Yelets State University. 413—417. (In Russ.).

- Shurupova, O. S. (2020). “A carefree, happy man” (the experience of creating a speech portrait of Rusanov from the story of A. I. Solzhenitsyn “Cancer Corps”). *Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 2 (67): 147—156. DOI: 10.37724/RSU.2020.67.2.015. (In Russ.).
- Sun Xiaoli. (2021). The ways of translating pragmatic marker *eto samoe* (based on the material of parallel Russian and Chinese literary texts). *Communication Studies*, 8 (2): 323—332. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(2).323-332.
- Troshchinskaya-Stepushina, I. E. (2021). The specifics of the speech portrait of a literary hero. In: *Text. Language. Man: XI International Scientific Conference, Mozyr, November 18—19, 2021*. Mozyr: I. P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University. 104—109. ISBN 978-985-477-777-1. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1972). *Russian (grammatical teaching about the word)*. Moscow: Higher school. 616 p. (In Russ.).
- Vinokur, T. G. (1989). On the characteristics of the speaker. Intention and reaction. In: *Language and personality*. Moscow: Nauka. 11—23. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.07.2022,  
одобрена после рецензирования 05.10.2022,  
подготовлена к публикации 17.10.2022.